

**TARAS SHEVCHENKO:
KARTYNA IZ ZHYTIA
POETA V 1 DĪSTVĪU**

Published @ 2017 Trieste Publishing Pty Ltd

ISBN 9780649762439

Taras Shevchenko: kartyna iz zhytia poeta v 1 dıstviuu by Isydor Trembitsky

Except for use in any review, the reproduction or utilisation of this work in whole or in part in any form by any electronic, mechanical or other means, now known or hereafter invented, including xerography, photocopying and recording, or in any information storage or retrieval system, is forbidden without the permission of the publisher, Trieste Publishing Pty Ltd, PO Box 1576 Collingwood, Victoria 3066 Australia.

All rights reserved.

Edited by Trieste Publishing Pty Ltd.
Cover @ 2017

This book is sold subject to the condition that it shall not, by way of trade or otherwise, be lent, re-sold, hired out, or otherwise circulated without the publisher's prior consent in any form or binding or cover other than that in which it is published and without a similar condition including this condition being imposed on the subsequent purchaser.

www.triestepublishing.com

ISYDOR TREMBITSKY

**TARAS SHEVCHENKO:
KARTYNA IZ ZHYTIA
POETA V 1 DĪSTVIU**

Во Имя Боже!

Не дасться заперечити, що драматична література у нас дуже слабо розвиваєсь, а що горше, твори того роду, які появились и появляются, пропащаються вже в рукописах — печатію дуже мало издаються, а не издаються для того, що бажаємь мати у нас лишь самих Шекспирівъ, забуваючи, що у нас еще нема и Коцебубівъ.

Не дасться такожъ заперечити, що драматична поезія то живуще слово, а где нема живущого слова, тамъ нема и народа. Если-же у нас не розвиваєсь драматична література, то и не даймо ся, що культурне розвитє Русинівъ, мѣсто підносатись, упадає. Зъ того слѣдує, що живуще слово творить народъ, що оно говорить и свѣдчить о его егзистенціи. Того живущого слова отже намъ и треба, чтобы свѣтъ знавъ, що Русины жиють и жити будуть; — треба намъ мати найперше Коцебубівъ, если желаємь мати Шиллерівъ и Шекспирівъ, — треба намъ передъ всемъ полюбити драматичну штуку, якъ полюбили ю инші народы, котрі не пожалували и не жалують великихъ жертвъ для построєня дороговѣднихъ театральныхъ будиноківъ, уважаючи ихъ за школу народа и народной идеї, а через тое воздвиглись они самі культурно високо и добились самостоятельности вь всемирной исторіи.

Тое маючи на мысли, не спускаймося на никого, чтобы за насъ вь тѣмъ направленію дѣлалъ — дѣлаймо и мы після нашихъ силъ и волѣ, полюбимь театр и заохочуймо авторівъ до праць на поли драматичной літературы, передъ всемъ маймо добру волю и не убиваймо зерна вь зародѣ, не критикаймо того,

[Зри стор. передостатна окладки.]

Taras *Н. Шевченко* 394

ТАРАСЪ ШЕВЧЕНКО

картина изъ житъя поэта

въ 1 дѣйствию.

Подарокъ сына

НАПИСАЛЪ

ИСИДОРЪ ТРЕМБИЦКІЙ.

Тов. Базисъ

FEB
1
1904

КОЛОМЪЯ.

Черенками и накладомъ Михаила Вьлоуса.

1903.

О С О Б Ы:

ЭНГЕЛЬГАРДТЪ.
ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ЖУКОВСКІЙ.
ИВАНЪ МАКСИМОВИЧЪ СОШЕНКО.
ТАРАСЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ШЕВЧЕНКО.
ПАНТЕЛЕЙМОНЪ СИДОРОВИЧЪ.
ТЕКЛЯ ЯКОВЛЕНА.
МАРІЯ ИВАНОВНА.
КАТРА.

Дѣтъ ся въ Петербурзѣ 1838 р.

PC
1842
162 T37
1903

Покій искусство у мебльований. По правой бѣтъ спектакторѣвъ камапа, по лѣвой малярская шталюга съ портретомъ, на середикѣ кресло, а на стѣнѣ портреты.

Сцена I.

Текля, Марія, Шевченко, Сошенко и Пантелеймонъ.

(Текля сидитъ на камапѣ, за которою стоитъ Сошенко занятый съ нею въ разговорѣ. Коло шталюги працюеть Шевченко портретуючи Марію, котра сидитъ на середикѣ на креслѣ. Пантелеймонъ ходитъ по покою, часто заглядаетъ на портретъ и придивляеться съ Марію, зажвсаючи табакъ)

ПАНТЕЛЕЙМОНЪ *(придивляючись портретови)*
Кажеться мнѣ — портретъ хорошій, дѣйствительно прехорошій, но кажеться мнѣ — носѣ слишкомъ перкатый, впрочемъ — очень хорошій.

ТЕКЛЯ. Пантелеймонъ Сидоровичъ, залишѣтъ свои примѣчанья и не мѣшайте дѣлу.

ПАНТЕЛЕЙМОНЪ. Я-жь ничего — кажеться мнѣ — не говорю, я замѣтилъ только, что носѣ слишкомъ перкатый.

ТЕКЛЯ. У васъ, чи у кого?

ПАНТЕЛЕЙМОНЪ. На портретъ — кажеться мнѣ — многоуважаемая Текля Яковлена.

МАРІЯ. Благодарю за порѣвнанье.

ПАНТЕЛЕЙМОНЪ. Я вѣдь — кажеться — не хотѣлъ никого обидить, а тѣмъ паче васъ, Марія Ивановна. Я уже молчу и ничего не скажу — кажеться мнѣ.

ТЕКЛЯ. Такъ будетъ наилучше. Подумайте, що васъ тутъ нема. (*за ст.*) Незносимый!

ПАНТЕЛЕЙМОНЪ. (*про себе*) Это надо полагать — кажется мнѣ — значить, дабы я ушелъ. Но я не уйду оттудова, такъ какъ эти молодые люди могутъ мнѣ еще спрятать Марию Ивановну, и я остальбы въ дурняхъ — кажется мнѣ.

ТЕКЛЯ. (*до Сошенка*) Такъ вы думаете, Иванъ Максимовичъ, що дѣло рѣшено?

СОШЕНКО. Рѣшено. Я обѣцалъ и додержу слова. Тарасъ мѣй пріятель и я тѣнусь, що могу сдѣлать ему прислугу на цѣлое его житье. Тую оказію я взялъ на себе ради васъ, Текля Яковлена, и думаю, що получу обѣщану нагороду. Но тое должно быти ще тайною.

ТЕКЛЯ. Я сказала, и такъ будетъ.

ПАНТЕЛЕЙМОНЪ. (*до Шевченка*) Вамъ — кажется мнѣ — рука дрожить и вы не въ состояніи портретовать. Вотъ, извольте только табаку, а дрожь пройдетъ. (*подастъ табаку*).

ТЕКЛЯ. Вы, Пантелеймонъ Сидоровичъ, снова перешкаждаете?

ПАНТЕЛЕЙМОНЪ. Совсемъ нѣтъ — кажется мнѣ. Я замѣтилъ только, что нашъ художникъ не можетъ окончить портрета — рука у него дрожить и онъ не можетъ — кажется мнѣ — поступить съ кистію даже на волосъ.

ТЕКЛЯ. Бо вы ему надъ головою стоите и мѣшаете дѣлу.

ПАНТЕЛЕЙМОНЪ. Я уже молчу — кажется мнѣ — но все таки носъ слишкомъ перкатый, какъ я примѣчаю.

СОШЕНКО. А хыба-жь вы рѣвнаете всѣ носы до своего? Не всѣ роздыхаютъ свои носы табакою.

ПАНТЕЛЕЙМОНЪ. Табакою? Ежели изволите, то могу и васъ попочтивать.

СОШЕНКО. Благодарю — скривдиль-бы вашъ поважный носъ.

ПАНТЕЛЕЙМОНЪ. *(сердито)* Какъ? что вы говорите?

ТЕКЛЯ. Задлишьтъ, Иванъ Максимовачъ.

ПАНТЕЛЕЙМОНЪ. *(въ ст.)* Какое ему дѣло до моего носа? Эхъ, еслибы не Марія Ивановна, то я почиталъ бы ся съ нимъ уже — кажется мнѣ.

СОШЕНКО. *(до Текль)* Даруйте, Текля Яковлена, але сей любовникъ красныхъ лицъ думаетъ, що кромѣ него нѣтъ другого. Я и не разбѣру, якъ вы можете его у себе терпѣти?

ТЕКЛЯ. *(тихо)* Вотъ, видите, чиновникъ, не можна его гнѣвати, а тобы ще лиха наробить. *(гол.)* Пантелеймонъ Сидоровичъ!

ПАНТЕЛЕЙМОНЪ. Что прикажете, многоуважаемая Текля Яковлена?

ТЕКЛЯ. Вы якъ бачу забули, що обѣщали. А може уже и за пѣзно будетъ?

ПАНТЕЛЕЙМОНЪ. Помилуйте, я сей часъ сдѣлаю, но — кажется мнѣ —

ТЕКЛЯ. Що, откажете? не хочете, чтобы я была на нынѣшнѣмъ концертѣ? Вы обѣщали постаратись о номеръ въ первомъ рядѣ.

ПАНТЕЛЕЙМОНЪ. Да, многоуважаемая, но — кажется мнѣ — что первые номера уже розпроданы.

ТЕКЛЯ. Такъ? дуже хорошо! И можна жъ то на васъ уповати?

ПАНТЕЛЕЙМОНЪ. То есть — кажется мнѣ — я только такъ полагаю и совсемъ не оттягаюсь отъ случая, чтобы вамъ угодить. *(въ ст.)* Не за мои ли деньги долженъ я купить билеты? Эхъ, тянетъ изъ меня, тянетъ — кажется мнѣ.

ТЕКЛЯ. Вы еще тутъ?

ПАНТЕЛЕЙМОНЪ. Иду уже, если такъ прикажете. Честь имѣю кланяться ся. *(кланяется и отходитъ, глянувши на Сошенку).*

Сцена II.

Попередниі безъ Пантелеймона.

ТЕКЛЯ. На силу побулавъ мы его. Вы-же Иванъ Максимовичъ не двуйтеся, що я того чоловіка у себе гостити мушу. Дѣмъ сей не мой, а мой кузинъ дуже цѣнитъ того чоловіка — безъ него и жити не можетъ. Прогнѣвати его значило-бы прогнѣвати кузина.

СОШЕНКО. Ожъ не безъ намѣренья тутъ приходитъ.

ТЕКЛЯ. Можетъ быти. Я и догадуюсь може того намѣренья *(снопглядаетъ на Марію)*, котрого однакъ бнѣ менѣ ще не заявилъ, а може и не малъ отваги заявити. Але не говорѣмъ о тѣмъ въ ей присутствію *(показуетъ на Марію)* и перейдемъ до другого покоя. Тамъ свободнѣйше будетъ. *(встаетъ и идетъ.)*

СОШЕНКО. Служу вамъ, Текля Яковлена. *(отходитъ съ Теклею)*

Сцена III.

Тарасъ — Марія.

(По отходѣ Теклѣ долге молчаніе. Тарасъ вдивляеться въ Марію)